

Глава 26. Болезнь госпожи Лу

Праздничные дни наполнили деревню Пиньян суетой: гомон толпы не смолкал, а вереницы людей, спешивших нанести визиты родным и близким, казались бесконечными.

Бодхисаттвы в храме Пиньян, по общему убеждению, были на редкость милостивы, а потому дым благовоний там стоял столбом, а свечи, зажжённые ещё в канун Нового года, теплились, не угасая, ночи напролёт.

Госпожа Лу, женщина набожная, из года в год приносила в дар храму свечи. Но в этот раз, видя, как дела сына пошли в гору, Лу Фэн не поспешил: он закупил двадцать цзиней отборного воска и велел зажечь по паре светильников перед каждым из трёх ликов — Бодхисаттвой Трёх Жизней, Гуаньинь и Богом Богатства.

Огромные свечи сразу бросались в глаза, к тому же на каждой из них было выведено имя дарителя и его адрес. Прохожие, волей-неволей замечая подношение, быстро разнесли весть о достатке в семье Лу.

Бао Цюшэн тоже вернулся в деревню на праздники, однако дома оставаться не пожелал, ограничившись лишь визитом к старшему дяде по линии клана.

За обедом зашла речь о храмовых подношениях. Поговаривали, будто в этом году невесть откуда взялось сразу несколько семей, пожертвовавших по двадцать цзиней воска. Поначалу пристав Бао лишь слушал вполуха: в уезде Шаньнань его дела процветали, и настоятели храмов не смели обходить его вниманием. Ежегодно для него загодя готовили пятидесятицзиневые свечи и читали над ними каноны трижды, прежде чем зажечь в новогоднюю ночь.

Однако вскоре он услышал имя своей соседки, Госпожи Лу:

— Видали? Госпожа Лу-то в этом году расщедрилась — три пары свечей по двадцать цзиней выставила! — кто-то из гостей даже вскинул три пальца для пущей убедительности.

Собеседники согласно закивали, не скрывая жгучей зависти:

— Точно. Сын её в этом году словно клад нашёл, деньжищи лопатой гребёт.

— Да уж, — подхватил другой, — повадился в горы за зимними побегам бамбука ходить, а потом в город их возит. Обернулся пару раз — вот и прибыток.

Бао Цюшэн нахмурился. Он знал, что торговля бамбуком — дело хлопотное, прибыли там немного, а прогореть — раз плюнуть.

— Неужто на кореньях можно так разбогатеть? — недоверчиво бросил он.

Заметив внимание пристава, гости тут же потеснились, уступая ему лучшее место, и принялись наперебой выкладывать подробности:

— Так пареньку удача улыбнулась: он с самой лавкой Чжэньпиньцзай сговорился, теперь им напрямую товар поставляет.

— То-то и оно, — вставил кто-то ещё. — Зимние побеги бамбука выкапывать трудно, даже самый ловкий за день едва два десятка цзиней наскребёт. А в городе перекупщики ушлые, того и гляди обсчитают.

Бао Луншэн, сидевший тут же, недоуменно буркнул:

— Раз он с Чжэньпиньцзай якшается, что ж вы-то, мастера, в стороне остались? Вы ведь в этом деле куда способнее мальчишки.

Мужчины разом примолкли и опасливо переглянулись. Наконец один указал на самого Луншэна:

— Так он ведь сам пробовал. В такие дураки попал — до сих пор вся округа смеётся.

История о том, как Бао Луншэн пытался сбыть побеги в префектуре Юэчжоу и устроил скандал в лавке Чжэньпиньцзай, давно стала притчей во языцех. В Пиньяне её смаковали при каждой встрече, превратив незадачливого соседа в посмешище.

Луншэн побагровел от ярости. Для него этот позор был горше, чем рождение пяти дочерей кряду. Он уже открыл рот, чтобы разразиться бранью, но, наткнувшись на холодный взгляд пристава Бао, тут же сдулся и прикусил язык.

Бао Цюшэн, вечно занятый службой, о тех событиях ничего не слышал. Он подозвал Луншэна к себе и велел изложить всё без утайки. Тот, лебезя, выложил правду: и про скандал, и про то, как жена Бао Шуйшэна пыталась торговать бамбуком. Умолчал он лишь о том, что пытался запугать городских приставов именем своего высокопоставленного родственника. Луншэн до смерти боялся, что Цюшэн, узнав об этом, окончательно отречётся от него.

Выслушав рассказ, пристав Бао впервые на памяти сородичей посмотрел на Луншэна как на умалишённого.

— Оболтус! — процедил он. — У тебя что, мозги окончательно высохли? Лезть с угрозами в Чжэньпиньцзай... Да к этому заведению даже я подступиться боюсь.

Селяне замерли в изумлении. В их представлении пристав был человеком власти, "государевым слугой", а торговец, по сословному закону, стоял на самой низкой ступени. Почему же Бао Цюшэн так его страшится?

Пристав не стал ничего объяснять, лишь горько усмехнулся про себя: "Эх вы, деревенщина!" О происхождении лавки Чжэньпиньцзай он как-то спрашивал у секретаря и помощника уездного начальника. Те не решились говорить прямо, лишь строго наказали: "Не лезь! Целее будешь". А однажды за чаркой вина подвыпивший секретарь обронил, что за этой лавкой стоят люди из ближайшего окружения императора.

В самом Юэчжоу жил такой человек — Гэлао У, старец, входивший в высшие правительственные круги. Бао Цюшэн видел его лишь издали, когда губернатор Цзедуши приезжал к нему с поклоном. Тот губернатор, закалённый в боях воин, внушавший ужас одним своим видом, перед Гэлао У дрожал, словно цыплёнок, и только и делал, что подобострастно кивал.

Раз за лавкой стояли такие силы, то осторожность Цюшэна была вполне оправдана. Его мучил лишь один вопрос:

— Как же тогда сын Госпожи Лу смог к ним втереться?

— Так он же проныра! — с завистью выплюнул кто-то из толпы. — Подлизался к господину Цюю, торговцу сушеной рыбой.

— Пока плитку каменную клали, он от него не отходил, всё угождал да заискивал.

— А этот Цуй, видать, душой прост, вот и поверил парню, свел с нужными людьми.

— Теперь Лу не только бамбук возит, но и в приготовлении солёно-сушеной рыбы (сян) участвует!

Слушая этот разноголосый хор, Бао Цюшэн не выдержал. Он вспомнил, как видел этих двоих за одним столом в лавке соевого молока в уезде Шаньнань — тогда он ещё удивился их странному знакомству. Теперь всё встало на свои места.

Дело с бамбуком его не прельщало — там и дурак справится, — а вот секреты приготовления солёно-сушеной рыбы (сян) он давно мечтал выведать, чтобы обеспечить будущее своему сыну. Он не мог допустить, чтобы такая удача досталась кому-то другому.

Резко встав, Цюшэн широким шагом направился к своему родовому дому.

По иронии судьбы, Лу Фэн как раз закончил переворачивать сохнущую рыбу и собирался запереть двери. Праздники его не радовали: после смерти отца родня отвернулась от них, и

ходить в гости было не к кому.

Увидев парня, Бао Цюшэн разъярился ещё больше. Он вырвал ключи из рук Лу Фэна и взревел:

— Откуда у тебя ключи от моего дома?

Его голос, привыкший отдавать команды, громыхнул подобно раскату грома. Любой другой на месте паренька отпрянул бы в ужасе. Но Лу Фэн лишь на мгновение замер, быстро оценил гнев пристава и, стараясь говорить как можно почтительнее, произнёс:

— Доброго здравия, пристав Бао.

— Я тебя спрашиваю! — не унимался тот.

Лу Фэн смиренно опустил голову:

— Видите ли, в доме осталась партия солено-сушеной рыбы (сян), которую нужно просушить, пока стоят погожие дни. Господин Цуй уехал на праздники домой и, не имея возможности присмотреть за товаром, обратился ко мне за помощью.

— Почему именно к тебе? — подозрительно спросил Бао.

— Господин Цуй в деревне никого больше не знает, — мягко пояснил Лу Фэн. — Мой дом ближе всех, к тому же он помнит меня по работе на каменоломне. Признаться, я и сам не хотел браться — на каменоломне работы невпроворот, в праздники людей не хватает, каждый человек на счету. Но господин Цуй — человек добрый, он нам очень помог, и я не решился отказать ему в такой малости.

Бао Цюшэн про себя хмыкнул: "Ишь, знает, что Цуй человек добрый, вот и вьется вокруг него вьюном".

Бросив на Лу Фэна холодный взгляд, он проследовал в дом. Внутри было на диво чисто. Пол сиял, и в мастерской не было и следа того хаоса и липкой грязи, что обычно сопутствуют приготовлению солено-сушеной рыбы (сян). Лишь тонкий, едва уловимый аромат рыбы витал в воздухе, не имея ничего общего с тошнотворным запахом гнили.

Цюшэн знал, что Цуй Ян — мастер своего дела, и его чистоплотность была известна. Но то, что Лу Фэн, поучившись всего ничего, сумел поддерживать здесь такой порядок, стало для пристава неожиданностью.

Он мерил шагами дворик, размышляя о своём непутёвом втором сыне. Тот был ленив, в грамоте не силен и уж точно не смог бы постичь тонкости ремесла. Значит, нужен был кто-то,

кто управлял бы делами, пока сын будет почивать на лаврах.

Сын Госпожи Лу казался идеальным кандидатом: работающий, тихий и, что самое главное, его легко прижать к ногтю. Пристав Бао знал о прошлом их семьи — о том, как после какого-то тёмного дела в уезде Шаньинь Госпожа Лу была вынуждена бежать сюда. На человека с таким прошлым всегда найдётся узда.

Цюшэн был не глуп и понимал, что нельзя ставить всё на одну карту. Если Цуй Ян согласился обучать Лу Фэна, то и другим отказывать не станет, стоит лишь попросить.

Выйдя за ворота, он направился к дому Лу Фэна. Остановившись у порога, он зычно крикнул:

— Эй, парень! Раз господин Цуй тебе доверяет, держи ключи. Работай хорошенько.

Лу Фэн не понял, с чего вдруг сменился гнев на милость, но спорить не стал и вышел за ключами.

Бао Цюшэн швырнул их на землю и добавил, чеканя слова:

— Смотри не сглупи. Не закончи, как твой отец.

Эти слова хлестнули Лу Фэна по лицу. Кроме обиды за поруганную честь родителя, он ничего не почувствовал, но госпожа Лу, услышав их, похолодела от ужаса.

Она была на кухне: сын утром привёз из города рыбью голову, и она собиралась приготовить её в укусном соусе. Лу Фэн с детства обожал это блюдо, но долгие годы бедности они не могли себе его позволить. И вот теперь, когда в доме завелись деньги, они купили заветное лакомство.

Нож в её руке дрогнул, когда донёсся голос пристава. Она вскрикнула от боли.

Лу Фэн бросился в дом:

— Мама, что случилось?

Госпожа Лу была бледна как полотно, но за этим она пыталась скрыть охватившую её панику.

— Ничего... всё хорошо, — пролепетала она, но голос её сорвался на дрожь.

Лу Фэн увидел, что рана глубокая. Забыв о приставе, застывшем у дверей, он потащил мать к воде, чтобы промыть порез.

Бао Цюшэн, поморщившись — увидеть кровь в праздник считалось дурной приметой, — понял, что его угроза достигла цели. Не желая больше здесь оставаться, он бросил через плечо:

— Раз порезалась — иди к лекарю. И не вздумай потом винить меня в своих бедах.

Он ушёл, а госпожа Лу, казалось, стала ещё блее. Лу Фэн, не ведая истинной причины её состояния, списал всё на боль. Он осторожно омыл рану на большом пальце. Кровь текла сильно, но кость, к счастью, была цела. Надавив на порез, он вскоре унял кровотечение и перевязал палец чистой тканью.

Госпожа Лу сидела, словно в забытьи, но, боясь встревожить сына, тихо промолвила:

— Совсем я старая стала. Царапина пустяковая, а я перепугалась как девчонка.

— Ну что вы, мама, — ласково возразил Лу Фэн, — рана большая, мне и самому страшно стало. А вы вовсе не старая.

За последние месяцы, благодаря хорошему питанию, спокойному сну и снадобьям "Божественного лекаря" Хуа, госпожа Лу заметно преобразилась. А перед Новым годом сын привёз ей отрез чудесного шёлка, из которого ей сшили нарядный ватник. В нём она выглядела лет на десять моложе.

Она слабо улыбнулась:

— Умеешь ты улестить мать.

— Кого же мне ещё баловать, как не родную матушку? — рассмеялся Лу Фэн, и в его воображении вдруг всплыл образ Цуй Яна — его ясные, живые глаза и то, как бы они засияли, если бы он решил подразнить и его.

Госпожа Лу не заметила, как сын на мгновение отвлекся. Всё ещё не в силах унять дрожь, она указала на плиту:

— Хотела сама тебя порадовать, да вот, видать, придётся тебе самому кашеварить.

Лу Фэн принялся за дело, а мать сидела на краю постели, не сводя с него глаз. В его широких плечах и уверенных движениях ей всё чаще виделся муж — каменщик Лу.

В те годы, когда он был жив, он обожал сам готовить на праздники, стараясь вознаградить жену за её повседневные труды. Хотя жизнь её тогда не была тяжкой: муж был мастеровитым, хватким и уважаемым человеком. Они были по-настоящему счастливы.

До того самого дня на каменоломне. Утром он ушёл как обычно, а в полночь его привезли обратно в гробу.

Эти воспоминания она гнала от себя прочь, но они возвращались снова и снова. Тогда, обезумев от горя, она пыталась докопаться до правды. Каменщики, работавшие под началом мужа, отводили глаза. Они говорили лишь об оборвавшейся веревке и нелепой случайности.

Лишь один старый мастер, не выдержав её мольбы, прошептал:

— Хорошая женщина, не спрашивай ни о чём. Не делай смерть Каменщика Лу напрасной. Хватай узлы с пожитками и беги отсюда. Беги, пока не поздно!

Тогда она не поняла смысла его слов и продолжала упорствовать. Но не успела она получить ответ, как в дом нагрянули родственники.

Муж был третьим в семье. Пришёл его второй брат, Эрбо Лу. Он сразу велел ей запереть двери и приглушённым голосом приказал:

— Быстро собери все деньги, бумаги на дом и землю.

Она решила, что деньги нужны на похороны — сбережения в семье были, и она не беспокоилась. Но Эрбо Лу изменился в лице:

— Ты что, совсем ничего не понимаешь?

— О чём вы? Как же так вышло, что мужа не стало? — в смятении спросила она.

Эрбо Лу театрально вздохнул и покачал головой:

— Эх, невестка... Знала бы ты, сколько сил мне стоило разузнать правду. Мой непутевый третий брат...

Он топал ногами, изображая праведный гнев. Госпожа Лу замерла:

— Что случилось? Говорите же!

— Ах! — снова вздохнул он, хмурясь. — За эти годы он совсем страх потерял. Хозяин доверял ему, поставил над карьерами и мастерами, доверил торговлю камнем. А он? Сбивал бракованные плиты, и теперь всё вскрылось!

— Как это возможно? — ахнула она. Она знала порядки на каменоломне Яншань: камень там

был отменный, заказов было много, и некондицию всегда пускали на щебень.

— Глупая женщина! — вскричал деверь. — Кому он поставлял этот камень, ты знаешь? Одно дело — частные дома богачей в уезде. Тебя бы просто по судам затаскали. Но камень из Яншань шёл по государственному подряду! Из него строили мосты и укрепляли берега. Помнишь, прошлым летом море разбушевалось и на севере дамбу прорвало? Всё смыло к чертям! Вот тогда-то и пришла проверка.

Об этом госпожа Лу слышала. Прорыв был страшный, вода уничтожила хлопковые поля семьи Чжоу — те поставляли хлопок для нужд армии, на зимнюю форму солдатам.

— Семья Чжоу не захотела отвечать одна и доложила наверх. К тому же при потопе пострадал флот в Юэчжоу и Минчжоу. Теперь за дело взялись всерьёз! Военные — не чиновники, они церемониться не станут. Разговор у них короткий.

— Так значит... мой муж... — она не смела закончить фразу.

Эрбо Лу полоснул её взглядом:

— Он сам навлёк на себя беду. Для дамбы нужны были монолитные блоки, на каждом — клеймо каменоломни и имя мастера. На тех обломках стояло его имя.

— Это невозможно! — выкрикнула она. Её муж был слишком рассудителен, чтобы так рисковать.

— Всё уже доказано! — отрезал деверь. — Знаешь, что нашли в рухнувшей стене? Щебень! Вместо цельных камней и раствора он велел засыпать внутрь обломки.

Мир поплыл перед глазами госпожи Лу. Она не верила, что муж мог пойти на такое, но обвинение было слишком весомым.

Эрбо Лу продолжал давить:

— Ты ещё плакать вздумала? Сейчас все причастные семьи платят огромные откупы, чтобы замять дело. Если ты не выложишь деньги прямо сейчас, то не только ты и твой сын отправитесь на плаху или на каторгу — весь род Лу пойдёт под косу! У меня сын оболтус, его не жалко, но подумай о Дабо Лу и его старшем сыне — он ведь в учёные метит, в сюцаи выбился. Ты ему жизнь ломаешь! Родня тебя до конца дней проклинать будет!

Эти слова — особенно про "плаху" и судьбу сына — окончательно сломили её. Оставшись без мужа, она не могла потерять единственное дитя.

Она выгребла все припрятанные деньги. Эрбо Лу пересчитал их и недовольно поморщился:

— Мало. На всех не хватит.

— Это всё, что есть под рукой! — взмолилась она.

— Куда делось то, что он заработал за эти годы? — допытывался деверь.

— Всё вложено в землю и этот дом.

— Земля и дом? Эх... Это быстро не продашь, в цене потеряешь, — сокрушался он.

— Что же делать... — она зашлась в рыданиях.

— Не горюй, — милостиво разрешил Эрбо Лу, пряча кошель. — Я пойду попробую договориться. А ты не сиди сложа руки — готовь бумаги на дом и поле. Скоро пригодятся.

Она кивнула, погружённая в кошмар прошлого. Даже сейчас, спустя годы, этот ужас не отпускал её. Лу Фэн несколько раз окликал её, приглашая к столу, пока она наконец не очнулась.

Она ела рыбу, хвалила вкус, но не чувствовала ничего. Душа её осталась там, в Юэчжоу. А ночью к ней пришли кошмары.

В комнате всё ещё стояло тепло от печи, подаренной Цуй Яном. Алые угольки отбрасывали на стены зловещие отблески, напоминавшие ей тот роковой вечер.

Память рисовала картины прошлого.

Похороны мужа подходили к концу. Завтра — погребение. Во дворе жгли личные вещи покойного, и отблески костра заливали дом кровавым светом.

Госпожа Лу сидела у постели сына. Маленький Лу Фэн метался в жару, бредил, и горькое лекарство тут же выходило обратно.

Дверь распахнулась. Вошёл Эрбо Лу.

— Невестка, не упрямясь!

За последние дни он заходил часто, унося с собой серебро и расписки. И каждый раз

возвращался с требованием новой доли.

У неё ничего не осталось. Она прижала к груди последнюю бумагу на дом:

— Нет! Это всё, что у нас есть. Я не отдам!

— Глупая баба! — взорвался деверь. — Как ты собираешься жить здесь после такого позора? Кому нужен этот дом?

— Нет! — она вцепилась в бумагу. Это была воля мужа, его наследство сыну. Без крыши над головой они пропадут.

— Слушай меня! — он указал в сторону двора, где завывали плакальщики. — Чем ты будешь платить даосам? Чем кормить людей на завтрашних поминках? Ты хочешь, чтобы мой брат так и лежал неприкаянным, не принятый землёй?

— Ты уже забрал всё! Где все эти деньги? — вскричала она.

Эрбо Лу побагровел:

— Ты на что намекаешь? Что я граблю тебя? Да я пороги обиваю, людей умасливаю, чтобы тебя с сыном в кандалах не увезли! Ты хоть понимаешь, какой ценой я купил вам право похоронить его по-человечески?

— Я не это имела в виду... Но дом... как же мы...

Деверь не слушал:

— Ты жива, руки-ноги целы, сын подрастёт — прокормитесь. Сейчас главное — долг перед покойным. У тебя сердце есть?

— Я... — дыхание её перехватило. Гнев, обида и бессилие сплелись в один клубок.

Во сне она закричала:

— НЕТ!!!

Лу Фэн подскочил на постели. Он ещё днём почуял неладное, но мать лишь отмахивалась. Весь вечер он был настороже, и не зря.

Он мигом спустился вниз, зажѐг лампу и позвал:

— Мама?

Госпожа Лу металась, вцепившись в одеяло. Лицо её было мертвенно-бледным, лоб покрылся крупными каплями пота, она закусила губу до крови.

Лу Фэн понял: кошмар одолел её. Боясь, что она прокусит язык, он схватил чистый лоскут ткани, чтобы вставить ей в рот. Но челюсти были сжаты намертво. Он попытался разжать их силой, и в тот момент, когда зубы разомкнулись, его собственный палец оказался между ними.

От резкой боли он едва не вскрикнул.

В своём кошмаре госпожа Лу видела, как Эрбо Лу тянет к ней руки, пытаясь вырвать бумагу. Она держала её из последних сил. Деверь боялся порвать ценный лист, а потому лишь сыпал проклятиями:

— Брат так любил тебя, а ты ради своей корысти бросаешь его тело на поругание!

— Я не такая! — кричала она сквозь слѐзы.

— Тогда отпусти!

Она вскрикнула и вцепилась зубами в руку мучителя. Вкус крови наполнил рот, вызывая тошноту и отчаяние.

— Да что ты творишь, безумная! — донёлся голос деверя.

Она разжала зубы. Силы покинули её. Бумага выскользнула из рук, и госпожа Лу провалилась во тьму.

В реальности она тоже разжала челюсти и обмякла, погрузившись в глубокое беспамятство.

— Мама!!! — в отчаянии звал Лу Фэн.

Три дня госпожа Лу не приходила в себя. Лу Фэн был на грани безумия.

Он не мог оставить её ни на миг. Хотел было ехать в город за лекарем, но в праздники найти

свободного врача было невозможно, а носильщики и вовсе разъехались.

Настоятель храма Пиньян, человек добрый, пришёл навестить больную. Осмотрев её, он вздохнул:

— Давняя печаль в сердце скопилась, а теперь вырвалась наружу. Огонь гнева ударил в разум. Трудно сказать, каков будет исход. В храме лишь простые травы, здесь они бессильны.

Лу Фэн вспомнил про снадобья Хуа Гудо. Он показал монаху рецепты и ту самую бутылочку с пилюлями, что оставил ему лекарь.

Старый монах внимательно изучил лекарство:

— Это великая вещь. Я видел подобные в монастыре Гоцин на горе Тяньтай — это дары из императорской аптеки. В годы набегов вокоу монахи помогали флоту, и за это им жаловали редкие снадобья. Дай ей одну, растерев с теплой водой. Это облегчит страдания, но болезнь не излечит. Нужно как можно скорее везти её к настоящему мастеру.

Лу Фэн кивнул. Он прождал в томительном ожидании до седьмого дня первого месяца. Наконец он нашёл надёжного деревенского паренька и, дав ему несколько монет, велел бежать на каменоломню или в соседнюю деревню к дяде Цю.

Дядя Цю за эти дни лишь раз был на работе и всё гадал, куда пропал Лу Фэн. Но праздничная суета затянула, и он не успел зайти. Услышав от мальчишки о беде в семье Лу, он взорвался:

— Ах ты ж горе луковое! Жизнь человеческая на волоске, а он тянет!

Он тут же велел жене собираться и идти к Лу Фэну, чтобы присмотреть за больной, а сам бросился по знакомым мастерам. Собрав двоих свободных, он поспешил к дому паренька.

— Ну, как она? — спросил он с порога.

Лу Фэн, с красными от недосыпа глазами и сорванным голосом, ответил:

— Монах заходил, говорит, чуть лучше стало.

Дядя Цю взглянул на госпожу Лу. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, и вид её не внушал оптимизма.

— Мы втроём пойдём в город, привезём лекаря. А ты иди приляг, сил наберись.

— Не могу я спать, — отрезал Лу Фэн.

Дядя Цю рассердился:

— Даже если не спишь — просто глаза закрой! Ты теперь в доме за главного. Если ты свалишься, кто за матерью ходить будет?

Он повернулся к жене:

— Мать, побудь здесь, пригляди. Пусть Лу Фэн отдохнет.

Жена дяди Цю, ровесница госпожи Лу, смотрела на Лу Фэна как на родного сына.

— Иди, сынок, поспи. Мы присмотрим.

Лу Фэн вынужден был подчиниться.

Дядя Цю с товарищами отправился в путь, но не успели они дойти до Шаньнаня, как встретили Цуй Яна. Тот возвращался с праздников, нагруженный подарками из Минчжоу.

Заметив встревоженного мастера, Цуй Ян сразу спросил, в чём дело. Дядя Цю рассказал всё как есть.

Цуй Ян побледнел. Он встревожился так, словно занемогла его собственная мать.

— Госпожа Лу перед праздниками со мной к лекарю Хуа ходила! Он сейчас в городе, я мигом его привезу.

Хуа Гудо, будучи родом из народа мяо, праздновал Новый год по своему календарю, а потому сейчас был свободен. У Мосюань удержал его в Юэчжоу изысканными яствами.

Цуй Ян бросил поклажу на дядю Цю и развернулся. Тот предложил послать с ним каменщиков, чтобы подсобить.

— Не надо, — покачал головой Цуй Ян. — Лекарь Хуа паланкины не жалует, он пешком быстрее любого носильщика доберётся.

Дядя Цю не стал спорить и потащил груз в Пиньян.

К вечеру Цуй Ян вернулся с Хуа Гудо. Вместе с ними пришли люди из дома У: пожилая

служанка и двое молодых парней.

Служанка сразу взяла дело в свои руки, мягко отстранив жену дяди Цю:

— Спасибо за заботу, хозяйшкa, теперь я пригляжу. Отдохните.

Она говорила вежливо, но её манеры и добротная, хоть и скромная одежда выдавали в ней человека из знатного дома. Жена дяди Цю, смутившись, уступила место.

Служанка быстро умыла госпожу Лу, поправила постель и подложила аптекарскую подушку. Затем она осторожно вытянула руку больной для пульса.

Лу Фэн забылся тяжелым сном. Он слышал всё, что происходит в комнате, но веки налились свинцом, и он не мог их разомкнуть. Наконец, сделав усилие, он приоткрыл глаза и невольно охнул.

В тишине комнаты этот звук прозвучал резко. Хуа Гудо, не отрываясь от пульса, бросил суровый взгляд на чердак:

— Лежи и не шевелись!

Лу Фэн замер, а Цуй Ян вспомнил слова лекаря о недуге самого парня. Опухоль в голове Лу Фэна была куда опаснее болезни матери. Поняв, что тот три дня не смыкал глаз, Цуй Ян испугался, что переутомление спровоцирует приступ.

— Брат Лу, вы очень устали. Лежите, прошу вас. С лекарем Хуа матушка в полной безопасности.

Услышав имя Хуа Гудо, Лу Фэн наконец успокоился. Мастерство этого человека было неоспоримым.

Лекарь подробно расспросил о начале болезни. Лу Фэн рассказал всё, начиная с визита пристава Бао, но опустил большинство деталей. Он упомянул лишь ключи и фразу: "Работай хорошенько". А вот слова "не будь как отец" он скрывать не стал, хоть и не понимал их значения.

Цуй Ян мгновенно всё понял. Именно эти слова пробудили в госпоже Лу призраков прошлого. Но что же там произошло? Сколько он ни выспрашивал у старых каменщиков, все твердили об оборвавшейся веревке и падении с горы.

Но если это был несчастный случай, почему Госпожа Лу бежала? Почему они так бедствовали?

Он слушал сбивчивые слова Лу Фэна. Даже в бреду госпожа Лу не выдавала тайны, лишь выкрикивала: "Нет!", "Я не...", "Это не я!".

Осколки прошлого не складывались в цельную картину, но в них сквозила невыносимая боль.

У Цуй Яна сжалось сердце. Он так крепко вцепился в поручни лестницы, что не заметил, как заноза вонзилась в ладонь.

Хуа Гудо закончил осмотр:

— Монах ваш не глуп. Знал, сколько дать, и не переборщил. Одной пилюли ей хватило.

Он быстро набросал рецепт и передал его слуге. Тот, подхватив фонарь, тут же отправился в город за травами. Второй слуга поднёс аптекарский сундучок. Лекарь достал иглы:

— Сначала иглоукалывание, потом дадим отвар.

Служанка помогала лекарю, слуга держал светильник. Хуа Гудо работал сосредоточенно. Закончив, он зажёл полынные сигары для прижигания.

Только тогда он занялся Лу Фэном. Заметив, что Цуй Ян всё это время стоит на лестнице, он нахмурился:

— Ты чего там застыл? Спускайся!

Цуй Ян вздрогнул. Ноги его затекли, и, начав спуск, он пошатнулся. Хуа Гудо вовремя подхватил его за талию, недовольно буркнув: Цуй Ян почти бегом возвращался в город, а потом тащил лекаря обратно, и теперь едва держался на ногах. Для Хуа Гудо такое небрежение к здоровью было личным оскорблением.

Цуй Ян виновато молчал, позволяя лекарю поддержать себя.

Лу Фэн сверху видел каждое их движение. Ладонь Хуа Гудо казалась огромной на тонкой талии Цуй Яна. Парню вдруг подумалось, какой же Цуй Ян хрупкий. А затем его кольнуло странное, неприятное чувство.

Хуа Гудо, поднявшись на чердак, заметил этот взгляд и невольно усмехнулся. Лу Фэн, устыдившись, отвел глаза.

— Думал дать тебе две порции успокоительного, — хмыкнул лекарь, — но, вижу, и одной хватит.

Цуй Ян внизу ничего не понял. Лу Фэн же уловил намек и вспыхнул.

Лекарь проверил его пульс:

— Тебе нужен покой. Тело изнурено, а разум мечется. Внизу сегодня будет людно, не уснёшь. Иди-ка ты лучше к Цуй Яну.

"К Цуй Яну?" — мелькнуло в голове у Лу Фэна. — "Неужто нельзя было сказать 'в дом господина Цуя'?"

Цуй Ян же, услышав совет, радостно подхватил:

— И то верно! У меня тихо. Я только печь растоплю, а то дом за праздники выстыл.

Он убежал, не дав Лу Фэну и слова вставить.

Парень вздохнул. Почему-то тяжесть, давившая на сердце последние три дня, вдруг бесследно исчезла. И он решил не спорить.

<http://bllate.org/book/17486/1713537>